

В НАЧАЛЕ этого года Павлу Филипповичу Нилину исполнилось бы 75 лет. В день его рождения по одной из программ Центрального телевидения повторялась передача о нем — «Страницы творчества». Вместе с другими работала над этими телевизионными страницами. На экране телевизора Нилин живет, действует, общается с читателями. И эти кадры единственны и уже неповторимы.

...С Нилиным я впервые встретилась несколько лет назад, когда только предполагалась и задумывалась эта передача.

В юности я, конечно, читала «Жестокость» и «Испытательный срок». А позже меня поразила рассказ Нилина «Дурь».

«Как точно и тонко чувствует он характер женщины, — думалось тогда, — и какая стена непонимания между людьми, и нельзя ничего сделать...» И название рассказа мне очень нравилось — «Дурь», он так и врезался в память...

И вот первая встреча. Нилин

отношение к этой вещи, потому что ее снимал человек на уровне подвига... Был такой Владимир Скуйбин, которого посетил раннее нездоровье, и тем не менее он работал, снимал этот фильм и еще другие. И я к нему испытываю громадное уважение. И если даже не все мне нравится в этом фильме, я все-таки думаю о нем хорошо...

Слушая Нилина — а у него была своеобразная манера разговора, он говорил легко и иронично, — казалось, что и к своим произведениям он относится не всерьез, как будто настоящее, главное еще не написано им.

Я предложила построить передачу так, чтобы ее основой была беседа с Нилиным.

— Вы все-таки сначала сделайте сценарий... Сделайте сценарий, а потом приезжайте снова, а там посмотрим, подумаем.

Спустя время я приехала к Нилину вместе с режиссером передачи К. Антроповым, уже имея черновую набросок сценария.

Павел Филиппович проглядел

На том и порешили.

Потом начались съемки, мы снимали писателя в московской квартире, в Переделкине, куда он всегда уезжал работать.

Однажды, когда мы прогуливались по зимнему переделкинскому лесу, Нилин стал вспоминать:

— Вот здесь, в этом лесу, много лет назад я впервые услышал стихи грузинского поэта Тициана Табидзе в переводе Пастернака:

*Если мужества в книгах
не будет,
Если искренность слез
не зажжет, —
Всех на свете потомство
забудет
И шарманщиков*
нам предпочтет...*

Почему-то этот эпизод не вошел в передачу, то ли пленка кончилась у оператора, то ли все мы устали, и нам казалось, что уже достаточно материала снято.

Съемки закончились, и мы приступили к монтажу передачи. Монтаж был довольно сложным. Во всем том, что говорил

ды пришел знаменитый профессор литературы и рассказал, как Пушкин написал «Каменного гостя». Я очень сожалел, что Пушкин умер и не может послушать этого профессора... Помню, как возникает писатель, с чего он начинается, это так же невозможно объяснить, как объяснить, почему человек выбирает какую-то определенную профессию и предан ей всю жизнь. Я не выделял бы писателя в особые существа, хотя в чем-то это существа особые.

И дальше Нилин сравнивает труд писателя с работой журналиста, исходя из собственного жизненного опыта:

— Я много лет был журналистом и очень уважаю журналистов, хотя журналистика и сбивает руку, если говорить о писательстве. Это все-таки неоднородные ремесла. Писатель обязан с необыкновенной тщательностью отбирать словарный запас. Он должен все время пользоваться как бы новыми словами, то есть расставлять обычные слова как бы по-иному. Журналист, даже хороший, пользуется

чет поделиться ею с другими... А кроме того, мы очень зашнуровываем слова, и газеты помогают нам в этом. Если попадет какое-то слово нам на зуб, то мы его начинаем повторять. Я мог бы назвать много таких слов, уже зашнурованных, в конце концов они перестают выражать то, что должны выражать.

И что-то в последнее время случилось с нами: мы приобрели вкус к необыкновенно торжественным словам, мы не скажем просто «шапка» — мы говорим «головной убор», мы не скажем «соборание» — мы говорим «симпозиум»... Мы тащим какие-то слова и быстро их зашнуровываем, как башмаки. И если мы говорим об охране биосферы, мы должны говорить и об охране нашего родного языка.

В своих размышлениях, которые начинались с разговора о том или ином произведении, Нилин всегда переходил к какой-либо важной жизненной проблеме, которая волнует самых разных людей:

— Надо охранять язык, но надо охранять и мир человеческих чувств. У нас в обществе не все понимают, что такое высшее чувство, как любовь, является чувством необыкновенно важным, и к этому чувству надо относиться не только с большим уважением, но и с большой бережностью... Охрана чувств — дело грандиозное в нашей жизни...

Я вспомнила случай, рассказанный Нилиным в первую встречу.

— Через несколько дней после того, как вышел в Москве на экраны фильм «Единственная», я зашел в хозяйственный магазин на ближайшей улице, говорил Нилин полуслушаво. И такая совершенно замученная продавщица кричит кассирше через толпу покупателей: «Аня! Ну, чем там все кончилось? Он вернулся к ней?» — она имела в виду героя фильма «Единственная», вернулся ли он к своей первой жене... Кассирша кричит: «Да ты что, не смотрела?» Продавщица отвечает: «Нет у меня муж ушел, его вызвали, мы не досмотрели... Скажи, чем кончилось?» Кассиршу эти вопросы отвлекают от работы, она считает, она боится просчитаться... Я, понимая, что она не может сейчас ответить, и желая угодить продавщице, говорю: «Вы знаете, он не вернется к ней, не вернется...» Она посмотрела на меня с презрением и сказала: «А вас, гражданин, не спрашивают».

Договаривая последнюю фразу, Нилин рассмеялся. У него была привычка неожиданно перескакивать с одной темы на другую, вроде бы совсем постороннюю. Вот и сейчас, в передаче, он заговорил о читателях: — Я с большим уважением отношусь к читающим людям. У нас действительно читающая страна, она читает в автобусах, трамваях, поездах, у нас все время читают, хотя мы не всегда вглядываемся в то, что читают... Ведь Толстого, Шекспира, Гоголя, Пушкина, Чехова нельзя читать, даже преступно читать в автобусе, потому что надо наслаждаться тем, как это сделано, как это написано. Литература ведь, помимо поучения, это еще и наслаждение!

И опять совершенно неожиданный поворот мысли: — Другой разговор — человек едет в автобусе, уткнет нос в книгу и не видит всей красоты и разнообразия жизни, которая течет мимо этого автобуса: растут деревья, идут красивые девушки, бегают собаки. И он ничего этого не видит, а это тоже грустно...

Но больше всего поразило нас, создателей передачи, да и многих телезрителей, когда, рассказывая о работе над фильмом «Единственная», совершенно неожиданно и вроде бы нехотая Нилин произнес такой монолог:

— Мне неудобно говорить о своих сочинениях. И вообще я терпеть не могу, когда писатель говорит о себе: «мое творчество», «мои произведения», как-то стыдно становится, когда такое читаешь. Это все равно что написать о себе: «я — гениальный», «я — красивый». Это можно про покойного Льва Толстого сказать — его творчество, а сказать о себе «мое произведение» мне было бы крайне стыдно, хотя писатели отнюдь не первого ранга иногда позволяют говорить о себе: «мое произведение», «знаю, кому ли с моим творчеством?». Мы как-то живем, никого особенно не стеснясь. Помните, как Чехов выбирал брюки, чтобы пойти к Льву Толстому: узенькие надену, подумает — стрекун, пошире надену, подумает — нахал... Он шел к Льву Толстому, будучи писателем дай бог каждому... А у нас сейчас кто к кому в каких штанах пойдет, какая разница? Да зачем ты мне вообще нужен? Я уже сам — писатель! Понимаете, какая-то нескромность вошла в нашу жизнь, которая не может не огорчать. И потом, такие люди, которые говорят о себе «мое творчество», они рассуждают и о воспитании подростков... Надо самим сначала научиться скромности — писателям, педагогам, людям, которые берутся провозглашать какие-то истины...

Монолог этот был произнесен на одном дыхании, ни одного слова нельзя было переставить или убрать посредством монтажа. Так целиком и вошел этот монолог в передачу.

Уже потом я пришла к выводу, что самая характерная черта Нилина — писателя и человека — это скромность и достоинство, причем скромность не наигранный, а естественная, отсюда его всегда иронический, чуть насмешливый тон, он был очень чуток на юмор, на крепкое, сбитое, образное слово.

И действительно, ни в беседах, ни в телевизионной передаче Нилин ни разу не употребил слова «мое творчество», а произведения свои называл всегда «сочинениями».

И уже когда Нилина не стало, я слушала, как говорил о нем Федор Абрамов, это было на встрече с читателями в Останкинской студии. Абрамову задали традиционный вопрос: «Кто нравится вам из современных прозаиков?»

Назвав несколько известных имен, Абрамов сказал:

— И, конечно, Павел Филиппович Нилин — явно недооцененный при жизни человек и писатель... Я считаю, что его «Жестокость» — выдающееся произведение, которое можно считать какой-то отсчетной меркой в нашей литературе. Вся послевоенная городская психологическая литература с обостренным подходом к нравственным вопросам, с оценкой тех или иных периодов истории, на мой взгляд, пошла от Нилина, и прежде всего от такой великолепной книги, как «Жестокость».

Когда Абрамов говорил об этом, у меня тоже почему-то возникло ощущение вины, и я как будто услышала голос Нилина с характерными, всегда чуть насмешливыми интонациями:

— Ну, ничего... Может быть, мне удастся закончить повесть в этом году или даже роман. И, может быть, это будет хороший роман.

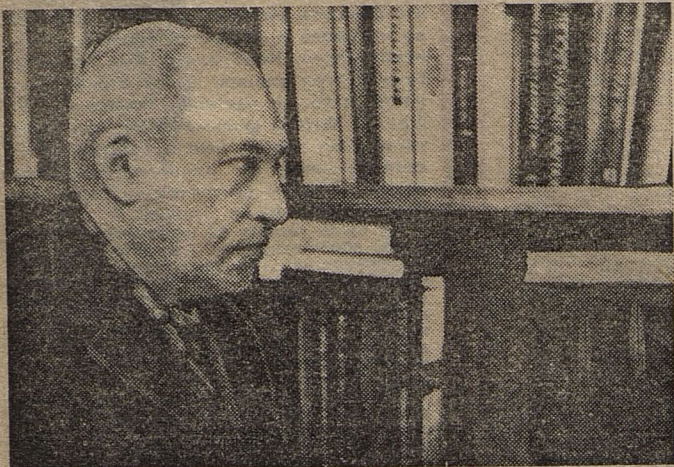
Он писал медленно, с необычайной требовательностью к слову, у него был строжайший отбор в работе. Да и напечатано, в сущности, немного: «Жестокость», «Испытательный срок», «Только характер» (о жизни хирурга Бурденко) — вещь незавершенная да еще рассказы...

И снова мне вспомнился не вошедший в передачу эпизод в зимнем переделкинском лесу, когда Нилин в редкой для него тональности грусти, какой-то ностальгии по прошлому или, быть может, по будущему прочитал строки Тициана Табидзе:

*Если мужества в книгах
не будет,
Если искренность слез
не зажжет...*

Татьяна ЗЕМСКОВА

«Если мужества в книгах не будет...»

Павел НИЛИН.

вышел в прихожую — высокий крепкий человек с крупными чертами лица, со светлыми, чуть навыкате глазами.

Разговор сразу зашел о предполагаемой передаче, о книгах, о кинематографе, с которым Нилин сотрудничал постоянно. Он рассказывал, как снимался фильм как раз по рассказу «Дурь».

— Фильм предложил снимать режиссер Иосиф Хейфиц, очень хороший режиссер, старый, опытный, знаменитый...

Все эти эпитеты Павел Филиппович произносит основательно и с удовольствием.

— Сначала фильм так и хотели назвать — «Дурь», но кинопрокат не разрешил... Как это вдруг фильм будет называться «Дурь»? Подумают, правда, дурь какая-то, и решили назвать «Единственная», — он улыбается хитро и вместе с тем добродушно.

— А «Жестокость»? Этот фильм вам нравится? — спрашиваю я.

— Вы знаете, мне как-то неинтересно думать о том, что я уже написал. Я это в значительной степени забываю, а когда сталкиваюсь с каким-то давно написанным рассказом, повестью, чаще всего огорчаюсь. Я думаю, что мог бы написать значительно интересней, лучше, чище. То же самое и с фильмами. Я написал довольно много сценариев для кинематографа, но почти ни разу мне не нравился фильм до конца, то есть моя точка зрения не совпадает с режиссерской. Как нельзя двоим войти в один сон, так же невозможно сценаристу во всем согласиться с режиссером, все-таки это разные трактовки. Ну а «Жестокость»... У меня особое

текст, а в тех местах, где была намечена канва беседы — вопросы и возможные ответы писателя, взятые из его интервью, статей, написанных когда-то давно, — он откладывал страницы и по-детски удивлялся:

— Откуда вы это взяли? Это я так написал? Как интересно! — Шутит ли он или говорил серьезно, понять было трудно.

— Мне все нравится, — заключил он в итоге. — А хотите, я почитаю вам новый рассказ? Я только что его закончил.

— Конечно, хотим, — произнесли мы разом.

— Только наберитесь терпения, я буду читать долго.

Почему-то мы перешли на кухню, жена Нилина Матильда Иосифовна куда-то ушла, а Павел Филиппович вынес из кабинета длинные листы бумаги в клеточку, исписанные, как мне запомнилось, крупным и ровным почерком, похожим на ученический.

— Рассказ называется «Впер-вые замужем».

И он стал читать. Читал спокойно и выразительно, только иногда вскидывал голову и спрашивал:

— Вам не скучно, вы не устали?

По нашим лицам было видно, что нет, не скучно. Он прочитал только начало рассказа.

— А дальше что? — произвольно спросили мы.

— А дальше узнаете, когда рассказ выйдет, я собираюсь от-дать его в «Новый мир».

— Вот и хорошо, — обрадовался режиссер. — А пока можно познакомить с рассказом телезрителей. Это всегда интересно, когда автор сам читает свое произведение, да еще но-вов.

Нилин во время съемок, а вопросы касались, разумеется, его произведений, было много неожиданного, непривычного, иногда парадоксального. Мысль его развивалась неровно, часто он перескакивал с одной темы на другую... Но слушать его было интересно. Даже наша монтажница Нелли Белова, привыкшая резать и клеить материалы обо всем на свете, время от времени отрывалась от своей механической работы, замирала и слушала. Для нас это самый верный ориентир: если монтажники или инженеры видеозаписи, перед глазами которых каждый день крутится бесчисленное множество передач, вдруг поднимают головы, прекращая разговоры, смотрят и слушают, значит, это интересно.

Действительно, Нилин говорил очень искренне, а порой даже запальчиво, страстно, и тогда добродушное его лицо становилось жестким и суровым.

Я приведу здесь некоторые фрагменты размышлений писателя, вошедшие и не вошедшие в передачу:

— Как человек становится писателем? Можно научить доктора, инженера, слесаря, токаря, пекаря... Но научить писателя, по-моему, нельзя, хотя у нас существует даже институт, где учат писателей, но это не всегда получается. Писатель для меня фигура необыкновенно загадочная и очень интересная. Мне интересны писатели всякие: хорошие и знаменитые и те, которые известны только своим родителям. Но как они создаются, как происходит этот процесс, я не могу сказать. Ко мне однаж-

* Эта строка у Т. Табидзе читается так: «И шарманщиков нам предпочтет».

Книжная графика

Из иллюстраций художника И. БРОННИКОВА к сборнику произведений Павла Нилина «Знакомство с Тешковым». Издательство «Известия».

ся ограниченным запасом слов. И мы не можем его упрекнуть, потому что работа его в какой-то мере даже труднее, изнурительнее, чем работа писателя, он непрерывно пишет и пользуется словарным запасом, ограниченным и недорогим.

А кроме того, — здесь Нилин загорается, видимо, мысль, которая родилась у него в данную минуту, его тревожит и он хо-